

12. Varnell, P. DADT Unravels Further. Chicago Free Press November 22, 2005. http://www.military-education.org/newsclips/2005_1122_ChicagoFree.html).

МАТЕРИАЛЫ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ

1. The Huffington Post. <http://www.huffingtonpost.com/eric-alva/dont-ask-dont-tell>.

2. Blog Inactivist. <http://inactivist.net/node/58>.

3. Blog Reason. <http://www.reason.com/blog/show/119101.html>.

4. The Raw Story. <http://www.haloscan.com>.

5. Digg website. <http://digg.com/politics/>.

© Шейгал Е. И., 2008

Антипина О. В.

Иркутск, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ВСПЛЕСК И МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ЗАТИШЬЕ: ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Abstracts

The article gives an opinion on the notion of a metaphoric image, its features and the ways of its discourse actualization. Thus, a metaphoric image is characterized by vague semantics, qualitative and quantitative dynamics and can be formed with the help of one or several metaphoric models.

Принципы организации и хранения знаний об окружающем мире в языковом сознании при помощи метафорических единиц нашли отражение в метафорическом моделировании дискурса (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов и др.), вобравшем в себя теоретические положения теории регулярной семантической многозначности (Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев, Л. А. Новиков, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.), и теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.).

Проецирование знаний о сфере-источнике на сферу-мишень можно представить как перенесение семантических признаков реального денотата на фиктивный. Сфера-источник метафорической экспансии может быть организована в виде метафорических моделей, свойственных любой культуре, широко распространенными или специфичными для конкретной культуры¹. По мнению С. А. Хахаловой, содержание метафорических фреймов, слотов и терминалов определяется «типовыми знаниями о человеческой картине мира, задаётся рамками культурной модели, основанными на механизмах вторичного косвенного переноса»². Сфера-мишень представляет собой цель и продукт этого переноса. Другое обозначение сферы-мишени – метафорический образ, – восходит к

теории образов (St. Ullmann, R. Wellek, J. Giardi, В. А. Зарецкий и др.).

В нашем исследовании мы рассматриваем метафорический образ как конструкт некоторых метафорических моделей, логическая структура которых остается неизменной на протяжении веков и откладывается в языке, менталитете и культуре отдельных национальных сообществ.

Метафорический образ характеризуется размытостью семантических границ, динамичностью и определенными закономерностями развёртывания в дискурсе.

Размытость семантических границ есть одно из свойств метафорических образов. Вполне вероятно, что она возникает вследствие репрезентации образов метафорическими моделями, не имеющими четких границ³. Концептуальная структура метафорических образов сложна и многообразна. Причудливые сочетания одних образов порождают другие⁴. Так, на основании контент-анализа эмпирического материала, мы увидели, что метафорический образ политической России нового тысячелетия в англоязычном сознании представлен образами России, президента, правительства, оппозиции, выборов, внешней и внутренней политики РФ, образами отдельных политиков и партий, а также собирательным образом граждан РФ как электората.

Языковое содержание моделей пополняется новыми единицами крайне медленно. Оказиональное употребление метафор воспринимается языковым сознанием не так быстро, а потому фиксируется в языке не так прочно, как стершиеся и узуальные метафоры⁵. Несмотря на определенную статичность структуры метафорических моделей, метафорический образ обладает динамикой, которая зависит от качественного и количественного факторов метафоропотребления.

Количественный фактор связан с тем, насколько часто в рассматриваемом дискурсе встречается метафора и какого она экспрессивно-стилистического типа: стершаяся, узуальная или окказиональная⁶. Проанализированные англоязычные тексты сетевого формата показали, что всплеск метафорического освещения образа России начала XXI века пришелся на 2005 год: наблюдалась тенденция к использованию большого количества прецедентных имен из религиозной, исторической и литературно-художественной областей знания. Кро-

³ Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006; Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Монография. – Екатеринбург, 2001.

⁴ Григорьева О. Н. Политический театр современной России (Взгляд филолога). <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/09>.

⁵ Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. – Иркутск: ИГЛУ, 1998.

⁶ Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. – Иркутск: ИГЛУ, 1998.

¹ Языковая реальность познания: Вестник Иркутского государственного педагогического университета. Сер. Лингвистика. – Иркутск, 2001. – № 4. – С. 102.

² Там же.

ме того, мы отметили множество авторских (оказиональных) метафор, образованных, преимущественно, от названий культовых кинопостановок американского происхождения:

The Empire Strikes Back! (Lavelle, Peter. The Empire Strikes Back! November 06, 2003. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=208);
Russian Democracy and Civil Society: *Back to the Future*. (Johnson, David. Russian Democracy and Civil Society: Back to the Future. #24 – JRL 2006 – 38 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL 2 – 10 – 06>).

Мы полагаем, что это было связано с интересом к политической жизни в современной России у разнообразной читательской аудитории. Чтобы воздействовать на молодежь, использовались метафоры, связанные с попкультурой. Интеллектуальные читатели встречали религиозные

Vladimir Yakovlev, another deputy mayor under Sobchak, defeated his former boss. Putin publicly labeled Yakovlev as a “Judas” during the campaign. (Babich, Dmitry. Group Dynamics. <http://www.russiaprofile.org/politics/2005/2/22/3047.wbp>);
The fourth horseman has announced his arrival, the consequences of which most likely determine just how much democracy the Kremlin is willing to accept. (Lavelle, Peter. The arrival of the fourth horseman. May 24, 2003. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=41),

исторические

Putin Is No *Frederick the Great*. (Fax, Alex. Putin Is No Frederick the Great. #8 – JRL 9113 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL 4 – 7 – 05>);
It was easy to figure out that *the “Andropov II”* and “successor” mentioned in the document referred to Sergei Ivanov. (Pribylovsky, Vladimir. Oligarchs Toy with Their 2008 Options. #15 – JRL 9069 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL 2 – 25 – 05>)

и литературно-художественные образы

Putin’s Third Term: *Much Ado About Nothing*. (Filipov, Yury. #13 – JRL 9120 – JRL Home. <http://www.cdi.org/russia/johnson/JRL 4 – 14 – 05>);
It looks like Rodina has become a kind of monster and, according to Glazyev, the Kremlin did play the role of *Dr. Frankenstein*. (Veretennikova, Ksenia. A Political Frankenstein Story. <http://www.russiaprofile.org/politics/2004/5/25/1734.wbp>).

В то же время, период с 2000 по 2002 гг. можно назвать метафорическим затишьем из-за крайне редкого использования этого меха-

низма для манипуляции мнениями⁷. В целом, метафоры этого периода эмоционально нейтральны. В 2003 году произошел скачок метафороупотребления. Наметились 10 доминантных метафорических моделей (физиологическая и морбиальная модели; зооморфная модель и модель «Неживая природа»; милитарная, спортивная и театральная модели; кулинарная модель и модель «Дом»; модель «Путешествие»), которые активно эксплуатировались в дальнейшем. 2004 и 2006 гг. – снижение метафорической активности англоязычной прессы в отношении политики в России. 2006 год, кроме того, характеризуется некоторой эмоциональной стабильностью используемых метафор (по сравнению с 2005 г.).

Качественный фактор метафороупотребления подразумевает различные модификации метафорического образа, возникающие в зависимости от преобладания метафор конкретных моделей, а также в результате извлечения новых элементов (слотов) одних и тех же моделей, способных повлиять на эмоционально-оценочный вектор метафорического описания объекта, ситуаций⁸. Большую роль при этом играют экстралингвистические маркеры.

Например, самая «любимая» метафора разрушения в статьях англоязычных журналистов *dismantle* применяется исключительно для передачи образа разрушения Советского Союза. При этом она проходит различные стадии словообразования, что говорит о ее особом статусе в описании этого события: *the final dismantling, to dismantle, dismantled, the dismantlement*. Например:

The Kremlin is effectively presiding over the final *dismantling* of its Soviet empire. (Abelsky, Paul. A Battle That Kept the Experts’ Pipeline Busy. <http://www.russiaprofile.org/politics/2006/1/24/739.wbp>).

Данная метафора сочетает в себе сему разрушения как такового, а также может ситуативно относиться к описанию военных действий (разрушение неприятельской крепости). Невозможность или нежелание использовать другую метафору в этих контекстах говорит об исторически укрепившемся в западном сознании образе СССР как врага, с которым нужно сражаться, как вражеской крепости, которую следует уничтожить до основания. Тот факт, что данная метафора не используется в современ-

⁷ Григорьева О. Н. Политический театр современной России (Взгляд филолога). <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/09>; Политический дискурс в России – 10: Материалы X юбилейного всероссийского семинара / Под ред. В. Н. Базылева. – М., 2007.

⁸ Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006; Политический дискурс в России – 10: Материалы X юбилейного всероссийского семинара / Под ред. В. Н. Базылева. – М., 2007. С. 26.

ном политическом дискурсе для позиционирования РФ на международной арене, говорит о метафорическом сдвиге в сознании носителей английского языка. Россия не воспринимается как враждебная, отчужденная крепость в состоянии войны с Западом.

Развертывание метафорического образа в дискурсе происходит как при помощи метафор одной модели, так и посредством единиц разных моделей.

Основным критерием целостной передачи и восприятия метафорического образа является использование метафор, относящихся к одной субсфере-источнику и, более узко, к одной метафорической модели.

The *mainstream* Party Line holds that President Putin is *rolling back* Russia's *fledging* democracy which *flourished* under Boris Yeltsin. (Ames, Mark. DOOM-A. How to Watch Post-Soviet Politics. December 16, 2005. http://english.intelligent.ru/articles/2005/text_e0137.htm).

В данном примере все метафоры относятся к одной субсфере-источнику ПРИРОДА, но к разным моделям внутри нее. Основная партийная линия либералов и действия, приписываемые ими президенту, соотносятся с водной стихией (*mainstream* «основное течение, фарватер»; *roll back* «накатывать, биться о берег (о волнах, приливе)») (модель «Неживая природа»), а политическое устройство государства с животным и растительным миром (*fledging* «оперяющийся»; *flourish* «благоухать, буйно цвести») (зооморфная и фитоморфная модели).

Второе наблюдение касается непрямого противопоставления уровня развития демократии. По сути, определение *fledging* указывает на очень небольшую степень наличия признака «развитый, зрелый», в то время как *flourish* говорит о наличии этого признака в избытке. Повидимому, чтобы подчеркнуть разное отражение действительности в либеральных кругах, использованы метафоры, относящиеся к разным моделям, но имеющие общий понятийный источник ПРИРОДА. Безусловно, возникает вопрос по поводу логического несоответствия выбираемых метафор: как может явление, в избытке обладающее каким-то признаком, за довольно короткий период времени начать мыслиться как только набирающее этот же признак? Вероятно, таким приемом автор имплицитно уличает в этом несоответствии либеральных идеологов.

Чаще всего, метафоры одной метафорической модели используются в описании отдельного фрагмента действительности на сравнительно коротком отрезке текста (в предложении или сверхфразовом единстве). В этом случае метафорический образ воспринимается быст-

ро, поскольку цепочка ассоциаций выстраивается максимально логично в пределах одной модели (или еще лучше – фрейма одной модели). Рассмотрим пример:

The *unfolding* of the State Duma election campaign and its outcome will be the most important indicators of how Putin views this crucial *trade-off* and whether he is capable of *striking the right balance* [between the oligarchs and the laws]. (Lavelle, Peter. What Is Mine Is Mine, What Is Yours Is Negotiable. July 30, 2003. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=135)

Все три метафоры относятся к сфере торговли. Метафора *trade-off* «сделка» прямо указывает на это. Метафора *striking the right balance* связана с торговлей в том смысле, что описывает ситуацию подведения торгового баланса, ведение бухгалтерии дела, поскольку для торговца жизненно важна точность информации о доходах / расходах. Метафора *the unfolding* «распаковывание» относится к торговле со стороны покупателя, когда он снимает дома упаковку с купленного товара (или подарка). В данном примере, власть заключает сделку с заинтересованными лицами (*trade-off*) относительно исхода выборов в Госдуму. Президент, как главный торговец со стороны законодательной власти, после сделки подводит баланс (по возможности, точный) (*striking the right balance*) убытков и прибыли от этой сделки. Избиратель (покупатель) получает и распаковывает (в СМИ) готовый товар – рекомендуемых в результате этой сделки кандидатов в депутаты (*the unfolding*). Таким образом, вся избирательная кампания – это специально изготовленный и упакованный продукт, и ее результаты не зависят от волеизъявления избирателя.

Следовательно, можно утверждать, что употребление метафор одной модели упрощает и способствует восприятию целостного метафорического образа, заданного адресантом высказывания.

Тем не менее, в большинстве случаев, в описании одного фрагмента действительности на сравнительно коротком отрезке текста (в предложении или сверхфразовом единстве), используются метафоры разных моделей, вступающие между собой в разнообразные структурные и смысловые отношения. Мы отмечаем связи как между моделями одной субсферы-источника, так и между моделями разных субсфер-источников. Рассмотрим некоторые варианты таких отношений.

Such *clashes* can result in more than just a *tremor* that *shakes the ground* beneath a simple Kremlin official. (Parachkevova, Anna. Kremlin Tectonics. <http://www.russiaprofile.org/politics/2006/6/13/3863.wbp>).

Для описания отношений между членами правительства использованы метафоры двух моделей: милитарной модели и модели «Неживая природа». Милитарная метафора *clashes* описывает звуки средневекового рыцарского сражения. Метафоры *tremor* и *shake the ground* передают ситуацию землетрясения. В данном случае земля начинает колебаться не в результате тектонических процессов, а в результате сражения на ней.

Интересно отметить, что метафора *tremor* может относиться и к морбиальной модели, обозначая нервно-психологическое расстройство опорно-двигательного аппарата. Употребление ограничивающего определения *shaking the ground*, выраженного метафорой модели «Неживая природа», помещает метафору *tremor* в описание процесса вулканической деятельности.

Рассмотрим еще один пример:

They are *playing nomenclatura games* relying on the *promotion* of new leaders anointed in *backroom deals*. (Lavelle, Peter. Nikita Belykh's Gambit. June 10, 2005. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=1728).

Метафора *playing games* – игровая модель, метафоры *the promotion* и *backroom deals* – торговая модель. Раньше сделки между торговыми людьми (часто без свидетелей) заключались в так называемой «задней комнате» магазина, в «деловой части» лавки, где торговец вел бухгалтерию и т.п. В данном контексте образ «задней комнаты» (кулуара) означает, что решения о перемещении на руководящих постах принимаются втайне от общественного мнения, посредством переговоров политиков и бизнесменов. Таким образом как бы заключается торговая сделка между властью (политикой) и деньгами (бизнесом), либо между властью и властью, при опоре на деньги или в надежде на получение прибыли в результате продвижения на рынке политики интересующего товара (политиков). С другой стороны, ситуации игры и торговли в политике связаны следующим образом. Игра – это риск и деньги. Торговая сделка – тоже риск и деньги. Получается, что ситуация назначения чиновников сопряжена с тем и с другим, но описывается через две разные модели – торговли и игры (азартной).

В следующем примере мы видим взаимодействие метафор спортивной модели (*sidelined*) и модели «Дом» (*homeless*):

Kasyanov and Voloshin have been *sidelined*. Are they becoming politically *homeless*? (Lavelle, Peter. "Oligarchate": The Twilight of the Powerbrokers. July 25, 2003. http://www.untimely_thoughts.com/index.html?art=130).

Политики, которых сняли с высоких должностей, изображены как бегуны, которых оттеснили к самому краю беговой дорожки. В дальнейшем они могут быть совсем забыты в мире политики – имеют все шансы стать политически бездомными.

Регулярная повторяемость этих и других комбинаций наводит нас на мысль о наличии некоторых закономерностей в функционировании метафорических моделей в дискурсе. Алгоритм сочетаемости метафорических моделей в развертывании метафорического образа можно сформулировать следующим образом.

Если в тексте мы встречаем метафору модели А, то велика вероятность того, что здесь же мы встретим метафоры моделей В и С. Ограниченно употребление модели D. В формулировании алгоритма мы намеренно не пользуемся наречием «невозможно», заменив его на «крайне редко», поскольку дискурс – это динамичное образование, представляющее собой неисчерпаемый и постоянно обновляющийся источник эмпирических данных.

Например, употребление милитарной метафоры создает большую вероятность использования в дальнейшем тексте статьи игровой или торговой метафор; употребление театральной метафоры создает вероятность использования зооморфной или спортивной метафор и т.д.

Анализ функционирования метафорических моделей в развертывании метафорического образа позволяет выявить такие закономерности употребления определенных моделей, как

1) употребляемость / неупотребляемость определенных моделей в формировании определенного метафорического образа;

2) факт взаимодействия моделей между собой: какие из них формируют метафорический образ в тесном контакте с другими (с какими именно), а какие – нет;

3) регулярное проявление такого глубинного свойства метафорических моделей, как размытость семантических границ. Отдельные метафоры (не обязательно базовые для этой модели), фреймы, даже целые модели могут стать частью другой метафорической модели без ущерба для первичной модели, в которой они использовались ранее.

Например, ограничение свободы передвижения в пространстве возникает на пути путешественника в виде препятствия (модель «Путешествие»). Для узника это препятствие приобретает вид решетки (криминальная модель). Для лошадей в скачках и бегунов оно имеет форму барьера (спортивная модель). В английском языке все эти значения передаются одной единицей *a bar / bars*. В зависимости от контекста можно отнести ее к той или иной модели: